

ФЛОТ. ИСТОРИЯ. ЛЮДИ

КОРТИК

№ 14/2013

Издается с июня 2003 года при участии
Российского государственного архива военно-морского флота

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

4. *Дружинин Ю. О., Емелин А. Ю.* Граф Франческо Замбеккари – первый воздухоплаватель в русском флоте
19. *Галья В. А.* Забытые судьбы: линиеншифслейтенант Лео Прашил (25.02.1887–29.04.1924)
27. *Валиев М. Т.* Инженер-механик Н. В. Высоцкий: жизнь эпохе вопреки
41. *Кузнецов Н. А., Шергалин Е. Э.* Моряк в пустыне: лейтенант В. А. Шумович – флотский офицер и естествоиспытатель (начало)
48. *Димитриченко Б. П.* Механик «Святогора». Воспоминания об отце – механике П. Я. Димитриченко

Главный редактор
А. Ю. Емелин

Редакционная
коллегия
С. А. Гладких
Г. А. Гребенищикова
А. Н. Денисов
М. А. Емелина
Н. А. Кузнецов
В. В. Лапин
Г. Н. Муру
В. С. Соболев

Генеральный
директор
ИПК
«Гангут»
Ю. А. Жильцов

СЕМЬЯ МОРСКАЯ

63. *Черноусов А. А.* От командующего Черноморским флотом до украинского националиста
70. *Малиновская Е. С.* Моряк, историк, библиофил... Штрихи к биографии Захария Андреевича Аркаса

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

81. *Познахирев В. В.* Экипаж парохода «Перваз-Бахри» в России, или превратности русского плена

АЛЬМА-МАТЕР

84. *Типольт Н. А.* Первые дни в Морском корпусе. Осень 1898 г. Публикация и комментарии *А. Ю. Емелина* и *О. Н. Лукиной*

ПОД ФЛАГОМ РОДИНЫ

97. *Титов С. М.* Командиры и комиссары Онежской флотилии (1918–1920 гг.) (начало)
106. *Глушенко В. И.* Озерейка – Малая земля (окончание)

ПО ВОЛНАМ ПАМЯТИ

113. *Шульц С. С.* Из воспоминаний. 1919 г. Публикация и комментарии *Н. А. Кузнецова* (окончание)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

122. *Гладких С. А.* Публикации по военно-морской истории в научных изданиях Архангельской области (XXI в.)
128. *Емелин А. Ю.* Рецензия на: Бьёркелунд Б. В. Воспоминания.

НАШИ НОВОСТИ

130. *Кузнецов Н. А.* «1922 год. Дальневосточный Исход»
131. *Гладких С. А.* Вспомнить поименно

ИНЖЕНЕР-МЕХАНИК Н.В.ВЫСОЦКИЙ: ЖИЗНЬ ЭПОХЕ ВОПРЕКИ

М.Т.ВАЛИЕВ

ПРОЛОГ. Кострома.

Выпись из метрической книги церкви 140-го пехотного Зарайского полка за 1881 г.: «...тысяча восемьсот восемьдесят первого года, декабря двадцать восьмого числа у подпоручика 140-го пехотного Зарайского полка Василия Флегонтова Высоцкого и его законной жены Пелагеи Александровой, обоих православного вероисповедания, родился сын Николай».

Почти каждая семья благополучной Европы хранит память о нескольких своих поколениях. В итальянском патио и в аккуратном голландском домике, на французской ферме и в немецком фольварке в бабушкиных комодах или на уютных книжных полках лежат альбомы со старинными фотографиями, дарственные и завещания, письма и документы предков. Даже если войны уносят документальные свидетельства ушедших лет, семейная память старательно восстанавливает имена и легенды. Иногда эта идиллия нарушается в анклавах переселенцев и в молодёжной фронде, но проходят годы, и вчерашний бунтарь примеряет дедушкин буржуазный сюртук, а сербская община старательно восстанавливает свою историю.

Главное — никому в голову не придёт сжигать старые фотографии, вымарывать из семейного древа имена и звания, уничтожать документы и письма. К сожалению, это печальный удел нашего отечества. На протяжении почти трёх четвертей века наши отцы и матери, бабушки и дедушки только шепотом и утайкой рассказывали нам о достойных предках. Наши семейные альбомы пестрят вырезанными и затушёванными пятнами лиц расстрелянных и высланных родственников и друзей. В угоду каждой новой власти переписывалась отечественная история, стиралась народная память. Виной тому и удельные междоусобицы, и иноземные нашествия, и русский бунт, и ещё недавнее крепостное право. Национальный дух и гордость возрождались на исторически краткие периоды противостояния врагу внешнему, но с поразительным усердием принижались и унижались внутренней неразберихой и бунтом. Ни один внешний враг не принёс нашему народу больших страданий и потерь, нежели сделали это мы свои-

ми собственными руками. Едва успев вынырнуть из позорного рабства, Русь оказалась в плену коммунистической тирании. Стоит задуматься — от момента отмены крепостного права до октябрьского переворота прошло чуть более полувека, то есть успело вырасти только одно—два поколения, не помнившее купчей на кузнеца и дворовую девку! К этой данности необходимо добавить многочисленные войны и потрясения, ужасы гражданской войны и последующих репрессий. И на каждом витке отечественной истории невосполнимый урон наносился не только народной, государственной, но и семейной памяти. Дети отрекались от своих родителей, брат от брата, дом от дома. Только сейчас находим мы в себе силы и желание воздать должное памяти предков и обратиться к недавно запретным родовым темам. И пришло время собирать камни...

Мой прадед, Николай Васильевич Высоцкий, родился 28 декабря 1881 г. Его отец, Василий Флегонтович Высоцкий (1855 — после 1887)¹, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., за отличие в делах против неприятеля был произведён в подпоручики и награждён светло-бронзовой медалью в память войны против турок. В 1881 г. храбрый подпоручик женился «первым браком на девице из дворян Пелагее Александровой Орловой». Однако, не приобретя больших чинов и званий и не имея надёжных источников к существованию, Василий Флегонтович Высоцкий не нашёл себя в мирной жизни и пропал с семейного горизонта в 1887 г. Как распорядился своей буйной головушкой оставшейся подпоручик нам не ведомо. Пелагея Александровна Высоцкая (1855 — после 1924), осталась с двумя детьми пяти- и двухлетнего возраста и за неимением лучшего решения

переехала в Курскую губернию к своей незамужней сестре, служившей акушеркой в больнице Московско-Киевско-Воронежской железной дороги. Несмотря на тяжёлое положение, Николай получил хорошее среднее образование и в 1899 г., после окончания шести классов основного отделения Курского реального училища, поступил в Морское инженерное училище Императора Николая I на механическое отделение². В 1903 г. Николай Высоцкий окончил училище и был зачислен в звание младшего инженер-механика.

На этом этапе я завершаю рассказ о родовой истории Высоцких и перехожу к описанию трагического противостояния русского бунта и русского офицера Высоцкого...

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Севастополь.

Броненосец «Ростислав»

Выписка из послужного списка Н.В.Высоцкого³ :

«28 мая 1903 г. Циркуляром штаба Черноморского флота за № 301 назначен на вакансию минного механика на эскадренный броненосец “Ростислав”.

13 апреля 1906 г. Приказом главного командира за № 572, отчислен от броненосца “Ростислав”.

Портрет прадеда у башни среднего калибра броненосца «Ростислав» украшает стены нашего дома. На фотографии запечатлён молодой офицер в парадной форме — слуга Царя и Отечества, утешение самоотверженной матери и возможный повод девичьих грёз. Впереди долгая и трудная служба, но она не страшит — есть уверенность в своих силах и, главное, долгожданное чувство самостоятельности. Остались позади трудные годы учёбы на «коштом» содержании среди более обеспеченных одноклассников, появилась

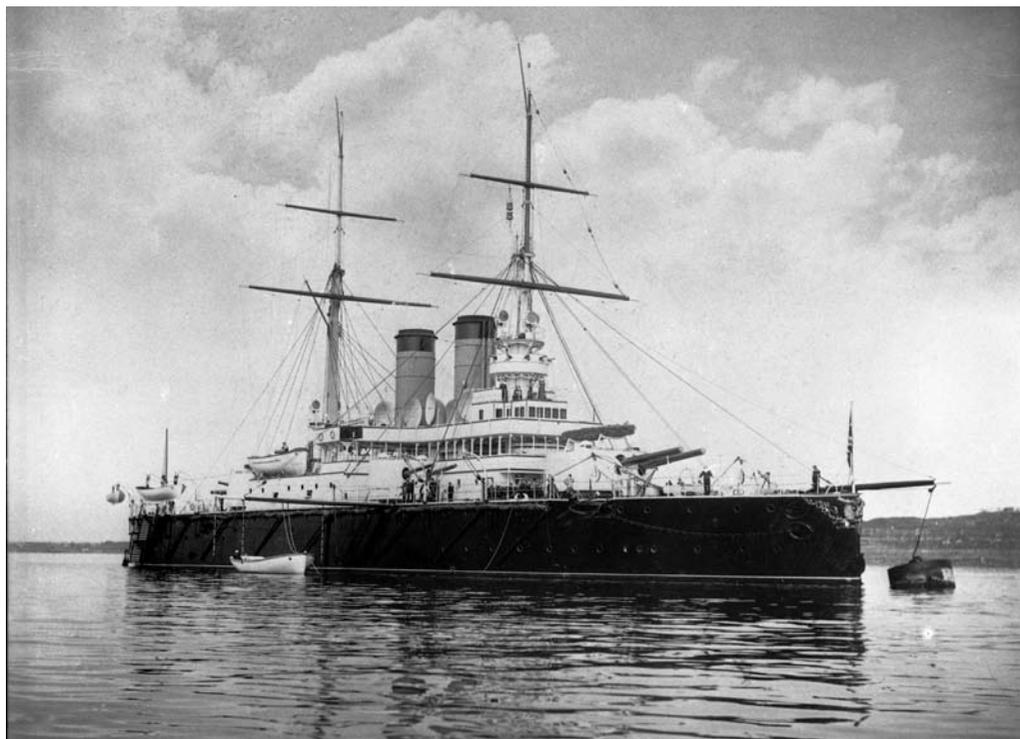
ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

возможность помочь семье и, чего греха таить, пофрантить на Приморском бульваре Севастополя. Однако бурные события российской истории не располагали к романтическим настроениям. О службе Н.В.Высоцкого на броненосце «Ростислав» в семейных архивах не осталось ничего, кроме упомянутой фотографии и записи в послужном списке. Не так давно по питерскому радио транслировалась спорная передача о лейтенанте Шмидте. В новом контексте герой-революционер предстал в непривычной роли проворовавшегося психопата. Впрочем, мой интерес вызвала не новая трактовка канонического образа, а упомянутый в передаче броненосец «Ростислав». Имея на руках послужной список прадеда, уже через короткое время я понял, что период его службы на этом корабле перекры-

Фотография предоставлена автором

Вверху: младший инженер-механик Н.В.Высоцкий на палубе «Ростислава»
Внизу: эскадренный броненосец «Ростислав»

Фотография предоставлена С.Н.Харитоновым

вают известные события ноября 1905 г. Так возник первый «революционный эпизод». Дальнейшее знакомство с литературой только расширило и подтвердило наше предположение. «Ростислав» вполне мог оказаться и по другую сторону баррикады — корабельную команду обрабатывали с особой тщательностью. Многие матросы «Ростислава» криками «Ура!» отвечали на призывы П.П.Шмидта. Силами офицеров и верных присяге матросов восстание на «Ростиславе» удалось предотвратить. И волею судьбы именно орудия флагмана нанесли ощутимый ущерб мятежникам. В вахтенном журнале «Ростислава» зафиксировано: «16.00. Начали стрелять по „Очакову” и „Свирепому”»⁴. И завершающим аккордом этой трагедии выглядит доставление на флагманский броненосец пытавшегося скрыться П.П.Шмидта. Финал мятежа разворачивался прямо на глазах у поручика корпуса инженер-механиков флота Высоцкого. Всё время, что лейтенант

Шмидт находился на «Ростиславе», лейтенант Ф.Ф.Карказ призывал офицеров и даже матросов полюбоваться на изменника...

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Бухта Папонвик, Ревель. Крейсер «Память Азова»

*Выписка из послужного списка
Н.В.Высоцкого:*

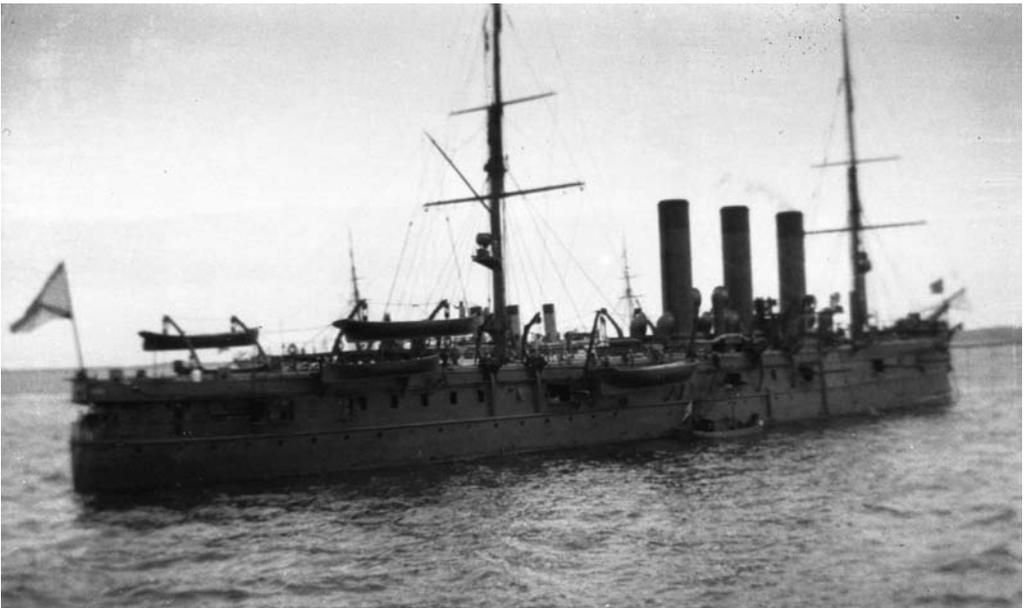
*«10 мая 1906 г. Циркуляром штаба
Кронштадтского порта за № 1172
назначен младшим судовым инженер-
механиком на крейсер Гранга “Память
Азова”.*

*8 марта 1907 г. Циркуляром
штаба Кронштадтского порта за
№ 690 с крейсера “Память Азова”
назначен младшим механиком на
эскадренный броненосец “Император
Александр II”.*

Второй эпизод противостояния офицерского долга и мятежной вольницы открылся в процессе работы над материалами по истории знаменитой

Крейсер Гранга «Память Азова», 1905–1906 гг.

Фотография из архива старшего лейтенанта Н.И.Евгенова,
предоставлена его дочерью И.Н.Евгеновой

петербургской гимназии и реально-го училища Карла Мая⁵. В повести писателя-мариниста Николая Черкашина «Полёт над морем “майского жука”»⁶, посвящённой бывшему ученику реальному училищу Николаю Яковлевичу Павлинову (1886–1941), было приведено яркое описание мятежа на балтийском крейсере «Память Азова»⁷. В тексте несколько раз упоминался «поручик корпуса флотских инженер-механиков Высоцкий». С учётом того, что в послужной список моего прадеда крейсер «Память Азова» был вписан трижды, я повторил нехитрую операцию сравнения дат и убедился в их полном совпадении. Второй раз судьба свела офицера Высоцкого с русским бунтом. Теперь уже как непосредственного участника трагедии.

Восстание на крейсере не раз было подробно описано в литературе по истории революционного движения на флоте, но воспоминаний непосредственных очевидцев не так много. Поэтому показания на следственной комиссии поручика Н.В.Высоцкого, сохранившиеся в РГАВМФ, воспроизведу почти полностью:

« ...Привожу ниже всё то, чему я был свидетелем в ночь с 19 на 20 июля и последующие дни. В ночь с 19 на 20 июля я присутствовал до 1 ¹/₄ ночи в носовой кочегарке, где шли спешные работы по съёму цилиндра донки Бельвиля. <...> После прекращения работ я ушёл к себе в каюту, разделся, помылся, лёг на койку и начал читать. Читал я не долго, около 1 ³/₄ ночи ко мне в каюту вошли старший офицер капитан 2 ранга Мазуров и лейтенант Селитренников. Первый из них приказал мне обойти машинное и кочегарное отделения и записать всех лишних людей, если таковые обнаружатся. Его приказ был мной исполнен. Кроме дежурного, дне-

вального и смены у дежурного котла я никого не нашёл. Пошёл доложить об этом старшему офицеру. Я нашёл его на жилой палубе у верхнего таранного отделения, которое он осматривал. Там же были лейтенанты Захаров и Селитренников и мичман Крыжановский. Я присутствовал при том, как был арестован студент Петров, назвавшийся кочегаром и сказавший, что его № 122. Вместе с вышеназванными офицерами и арестованным я прошёл по жилой палубе в кормовое офицерское отделение, где мнимый кочегар при мне был посажен в ванное помещение по правому борту. Когда старший офицер пошёл доложить о случившемся командиру, я вышел в кают-компанию, где застал поручика Трофимова, мичмана Саковича, подполковника Максимова, мичмана Павлинова и других офицеров. Коекому из них я вкратце рассказал то, чему сим был свидетелем.

Очень скоро к арестованному прошёл командир капитан 1 ранга Лозинский, и, когда он возвратился обратно, то у самого выхода из кают-компания он встретился с каким-то квартирмейстером, который громко доложил ему, что у часового пропал ящик со снаряжёнными лентами для пулемёта. Оставшиеся ящики были тотчас перенесены лейтенантом Селитренниковым в свою каюту. Командир же, выходя из кают-компания, отдал приказ лейтенанту Унковскому перенести все винтовки в кают-компанию, что Унковский и начал проводить в исполнение. Офицеры остались в кают-компания и стали снимать штыки и вынимать у винтовок замки, пряча их по офицерским каютам. Всех винтовок перенести не удалось, так как сверху раздались выстрелы, сначала редкие, затем чаще, потом смолкли и через несколько секунд снова затрещали. Я услышал

стоны сверху и голос командира в люк кают-компания: “Господа офицеры, с револьверами наверх!”. Все офицеры, как я видел, пошли через трап адмиральского помещения, я же вышел через правую дверь 135-й переборки и поднялся на верхнюю палубу через правый трап у машинного люка. Едва я сделал несколько шагов, как сзади, по-видимому из коечных сеток, по мне был дан залп, пули свистели очень близко, но я не был ранен. Я сделал ещё 2–3 шага, снова залп, и я упал, споткнулся как потом оказалось на раненого мичмана Зборовского (он стонал). Пролежал я недолго, встал на колени и оглянулся. В это время я ясно услышал голоса с кормового мостика: “Ваше Благородие, идите за рубку, а то Вас убьют!”. Я бросился за штурманскую рубку. В это время из люка адмиральского помещения вышли на палубу лейтенанты Селитренников, Вердеревский, мичманы Сакович и Крыжановский и командир отряда флигель-адъютант Дабич. Я с ними, с револьвером в руке, пошёл на левую сторону шканец. По нам снова затрещали винтовки, были ранены лейтенанты Селитренников и Вердеревский, я успел сделать два выстрела из револьвера, стрелял наугад по направлению к машинному люку. Слева я слышал голоса с кормового мостика: “Ваше Благородие, господа офицеры, уходите! Стреляют из засады и вас всех перебьют!”. Мы все, помогая раненым Селитренникову и Вердеревскому, спустились вниз в помещение флагманской канцелярии, где я пробыл недолго, у меня быстро в голове пронеслась мысль, что надо потопить крейсер, сбив кингстоны в машинном и кочегарном отделении. Чтобы привести эту мысль в исполнение, и полагая, что в этом предприятии мне команда вряд ли поможет, я решил отыскать старшего механика и с его

помощью привести этот план в исполнение. Спустился в кают-компанию — темно, освещение прекратилось. Ощупью я добрался до двери, слышал стоны в кают-компании (стонал раненый старший офицер) и крики сверху (раненый командир), подошёл к каюте старшего механика и окликнул его несколько раз, ответа не получил, кричал в машинный люк, спрашивая нет ли старшего механика в машине, но оттуда кто-то громко мне ответил, что его там нет.

На верхней палубе стрельба не прекращалась, и я, по-видимому, своим окриком привлёк внимание стрелявших. Было сделано несколько выстрелов в машинный люк правой машины. Я слышал свист пуль и бросился обратно в кают-компанию. У левой двери на 135-й переборке я увидел ревизора мичмана Дорогова, который пытался задрать эту дверь. Я и случившиеся здесь поблизости какие-то квартирмейстеры помогли ему задрать дверь, и все трое прошли через кают-компанию и поднялись в помещение флагманской канцелярии, где я увидел: Дабича, который выходил не балкон, Римского-Корсакова, Трофимова, раненых Селитренникова и Вердеревского, мичманов Погожева, Саковича и Крыжановского. Последний, вместе с флагманским доктором Поповым и поручиком Трофимовым, несли раненого командира. Я помог им вынести его на балкон, где собрались все вышеназванные офицеры, вместе с командующим, который, увидев меня, приказал мне спуститься на стоящий на бакштове⁸ таранный барказ и поторопить на нём разводку паров. Спустившись, я застал на нём лейтенанта Унковского и двух штатских, машиниста и рулевого того же барказа, которые уже поднимали пары. Я пустил форсун и приказал машинисту бросать в топку, вместе

с углём, паклю, и лить туда масло. Таким образом, мы подняли пары до 20 фунтов. Всё это время сверху слышались выстрелы и крики: “На таранном барказе, стать на шкентель!” Когда я вышел из машинного отделения барказа, я увидел спускавшихся на него с балкона офицеров. На юте крейсера в это время команды не было. Я снова вошёл в машинное отделение, за мной вошли туда несколько офицеров (Трофимов, Селитренников, Унковский, Дорогов, потом уже, во время хода, к нам пришёл флаг-капитан Римский-Корсаков). Вслед за этим я услышал приказ командующего отрядом: “Дать ход назад!”. Провозившись несколько минут, мы дали ход, машина, хотя медленно, но завертелась, и мы пошли. Сверху почти тот час же раздались по барказу ружейные выстрелы. Пули нам никакого вреда не нанесли, и мы продолжали медленно задним ходом отходить от крейсера к берегу, но вскоре по нам открыли огонь из кормовых орудий мелкой артиллерии. Снаряды сначала падали вокруг нас и вреда не причиняли, но один из них перебил наш штуртрос⁹, и мы не могли управляться, стали лагом к крейсеру, и этот момент был моментом наибольшего попадания в нас снарядов. Тогда же был убит раненый и лежащий в носовой части командир, раздроблены ноги у мичмана Погожева, ранен Дабич, ранен на корме барказа лейтенант Унковский, пробит борт во многих местах. Один снаряд попал в машинное отделение барказа, разорвался там, но никого из бывших там не ранил (если не считать несколько царапин почти у всех). Пробит был кожух котла, но котёл не испортился. Перевели ход с заднего на передний и, продолжая лить в топку масло и бросать паклю и немного угля, который нам трудно было достать из угольной ямы, тем не

Фотография из собрания А. В. Плюпто

Командир крейсера 1 ранга «Память Азова» Александр Григорьевич Лозинский (на фотографии в чине капитана 2 ранга)

давали пару садиться, он всё время держался на 20 фунтах, и мы, хотя и медленно, но приближались к берегу. Через подводную пробоину прибывала вода, часть пробоин были заткнута, но вода всё-таки прибывала, и барказ стал крениться на правый борт. Мы все перешли по колено в воде на нос барказа и оттуда увидели, что от “Памяти Азова” отвалил паровой катер и гонится за нами. Все начали раздеваться. Стрельба скоро прекратилась, барказ наш остановился и офицеры начали прыгать в воду, чтобы достичь берега вплавь. Мичман Павлинов, поручик Трофимов и я высадили с барказа раненого флигель-адъютанта Дабича, помогая ему держаться на воде. Сперва мы плыли к берегу, а затем почувствовали под ногами дно и шли в воде, и в это время в нас стреляли с гнавшегося за нами катера.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ**Баку**

*Выписка из послужного списка
Н.В. Высоцкого:*

«7 апреля 1907 г. Согласно предписания штаба Кронштадтского порта за № 1735 был командирован в распоряжение командира Бакинского порта».

Достигнув берега, мы углубились в лес, поддерживая всё время Дабича, с которым мы не расставались до того момента, когда привезли его в Ревель и уложили в больницу. Выйдя на берег, мы думали сначала идти на кирпичный завод, но потом решили, что там нас могут рабочие, настроения которых нам не известны, переловить и выдать мятежникам. На завод мы не пошли, а углубились в лес, слышали сзади ружейные выстрелы и крики. В лесу мы заблудились и проходили 1 ½ суток, ночевали на болоте и только часов около 10 утра 21 июля добрались до какой-то деревни, достали там молока и хлеба и, что самое главное, лошадей, на которых, сделав 39 вёрст, добрались в 7 вечера до станции Разик¹⁰ железной дороги, откуда на поезде прибыли в Ревель, были встречены контр-адмиралом Вульфом и генерал-губернатором, отвезли раненого и теряющего временами сознание Дабича в больницу и сами, узнав от контр-адмирала Вульфа, что “Память Азова” на Ревельском рейде и что на нём мятеж подавлен молодецкой командой переменного состава, вернулись часов в 10 вечера на крейсер¹¹.

Чем всё это закончилось, известно из протоколов судебного заседания по факту мятежа¹². Бунт был подавлен, руководителя мятежа, гальванерного квартирмейстера 1-й статьи Петра Колодина, и 17 его ближайших сообщников по приговору суда расстреляли. За бунт и за убийство офицеров так поступили бы с ними в любой самой демократической стране.

Корабль был лишён Георгиевского флага и переименован в учебное судно «Двина». Офицеры, в том числе и поручик Высоцкий, были раскассированы по другим кораблям.

Ещё один краткий эпизод противостояния молодого офицера и русского бунта зафиксирован в приказе по Морскому ведомству № 123 от 5 июня 1907 г.¹³ В нём отмечалось, что офицеры, «командированные из С.-Петербурга на время забастовки каспийских моряков в Баку, вели себя безукоризненно и работали в высшей степени умело и самоотверженно». В заключительной части приказа морской министр выражал искреннюю признательность «упомянутым чинам», показавшим себя верными слугами царю и родине, в том числе, и «поручику Корпуса инженер-механиков флота Высоцкому». Этот эпизод подтверждается небольшой почтовой карточкой, хранящейся в фамильном архиве – Николай Васильевич писал из Баку своей невесте Софии Дмитриевне¹⁴ и успокаивал близких относительно сложившихся тревожных обстоятельств его службы.

ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ**Кронштадт**

*Выписка из послужного списка
Н.В. Высоцкого:*

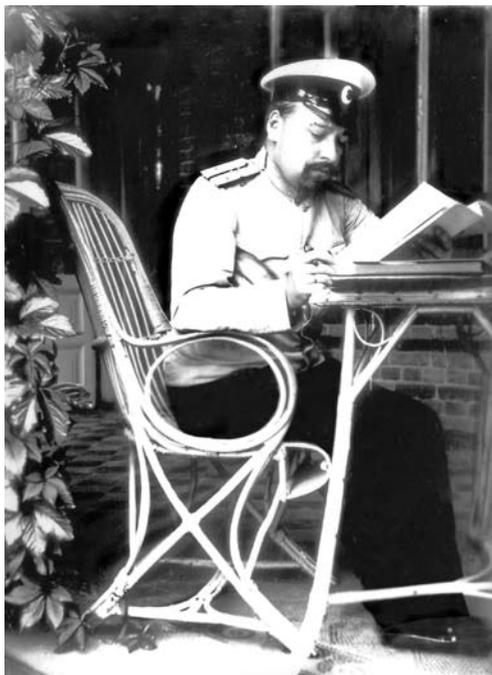
«В 1916 году с 27-го мая по 9-е декабря 1917 на эскадренном миноносце “Летун” под командою капитана 2 ранга Вилькицкого и старшего лейтенанта барона Зальца 2-го, старшим механиком во внутреннем плавании в военное время».

В июне 1913 г. инженер-механик старший лейтенант Высоцкий был назначен непосредственно наблюдающим по механической части за

постройкой кораблей в Балтийском море. В августе 1915 г. последовало назначение судовым механиком на эскадренный миноносец «Летун». В декабре 1915 г. был произведён в инженер-механики капитаны 2 ранга. 7 ноября 1916 г. «Летун» подорвался на германской мине у острова Вульф, всего в 11 милях от Ревельской гавани¹⁵. Н.В.Высоцкий был контужен, но, несмотря на это, возглавил работы по борьбе за живучесть корабля, чем фактически обеспечил его спасение¹⁶. Последствия контузии давали о себе знать всю оставшуюся жизнь.

В 1917 г. Николай Васильевич продолжил службу на должности непосредственно наблюдающего по механической части за постройкой кораблей в Балтийском море. Как раз к этому времени относится четвёртый эпизод трагического противостояния. В фамильных сагах это событие описано в воспоминаниях Н.Н.Годзевиц (ур. Высоцкая, 1911–1996)¹⁷, младшей дочери Николая Васильевича, всего несколькими строчками: «...однажды отец по льду Финского залива пешком шёл в Кронштадт, навстречу ему бежали матросы, остановили его, крича, чтобы он возвращался обратно: “Убьют вас! Бегите! В Кронштадте идёт резня, расстрелы. Всех офицеров без разбору убивают!”. Вернувшись домой, ... папа понял, что в форме уже ходить нельзя. Но специальность механика (котлы, паровые турбины) — всегда специальность. Надо работать. Обыски, аресты, расстрелы продолжались, но папу никто не трогал».

Безусловно, в приведённом отрывке речь идёт о «восстании» матросов в марте 1917 г. Разъярённые толпы матросов и солдат металась по улицам Кронштадта. Вскоре к ним присоединились сотни выпущенных арестантов, началось истребление офицеров. Всю ночь убийцы ры-

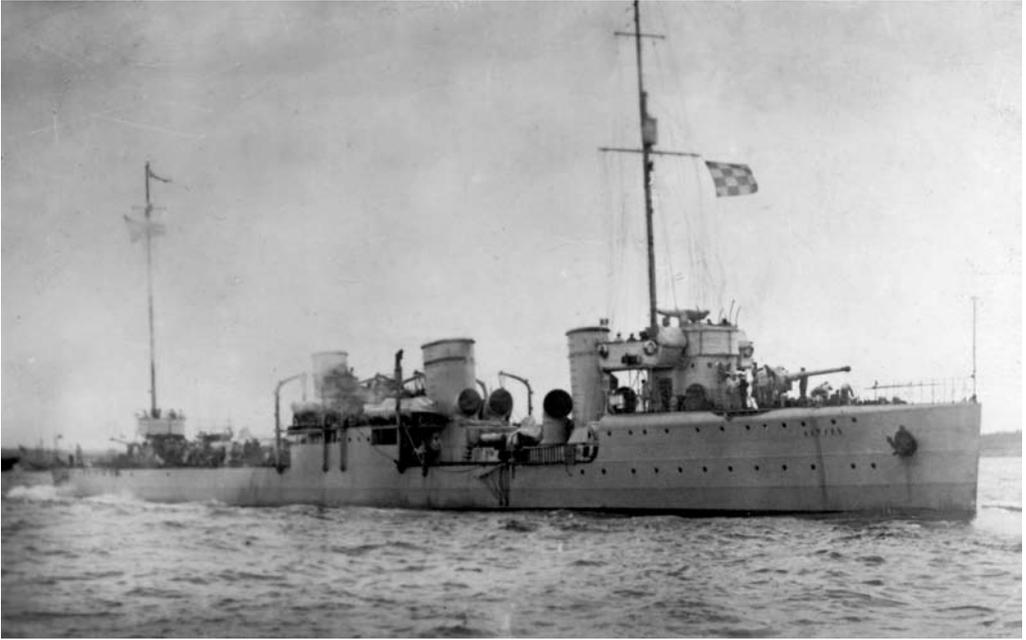

Фотографии предоставлены автором

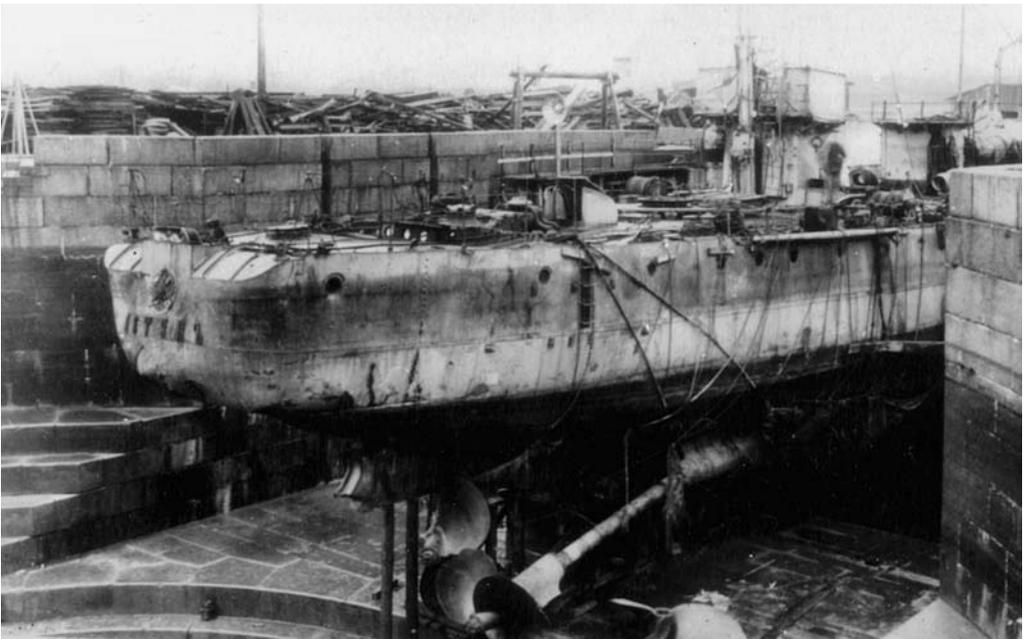
Вверху: Николай Васильевич Высоцкий. 1910 г.

Внизу: Софья Дмитриевна Высоцкая. 1912 г.

Эсминец «Летун» до и после подрыва на mine

скали по квартирам, грабили и вытаскивали офицеров, чтобы с ними расправиться. Одной из жертв стал

адмирал Р.Н. Вирен (1856–1917), главный командир и военный губернатор Кронштадта.

Николай Васильевич чудом избежал смерти, от которой его отделяли три-четыре мили кронштадтского льда. На этот раз Господь Бог уберёт Высоцкого от гибели. Но новые времена готовили новые испытания.

ЭПИЛОГ Петроград

Выписка из аттестации за 1923 г.: «Служил инженер-механиком штаба Балтийского флота, потому имеет значительный опыт, участвовал во многих комиссиях. Должности заведующего отделением на механическом отделении Училища соответствует вполне.

С политсторони ни в чём себя не проявляет. Остальные качества так же покамест не замечены»¹⁸.

После революции Н.В.Высоцкий продолжил службу в должности помощника главного инженер-механика Балтийского флота, в 1921 г. был назначен флагманским инженер-механиком штаба Балтийского флота, а в 1922 г. — главным инженер-механиком Морского штаба Республики. С 1923 г. Николай Васильевич — штатный преподаватель и помощник начальника учебного отдела Военно-морского инженерного училища (ВМИУ)¹⁹, основатель и руководитель кафедры инженер-механиков. Преподавательская работа всегда нравилась инженеру Высоцкому, он с удовольствием преподавал, читал лекции, подготовил к печати учебное пособие «Паровые турбины».

По словам современников, Николай Васильевич был остроумен, начитан, образован, любил оригинальничать, знал много стихов, умел в обществе блеснуть и произвести впечатление. Вместе с тем, любил тишину, покой — видимо, сказывались тяготы военной службы. Удивитель-

но, но в душе морского волка жили способность и желание чувствовать и созидать прекрасное — главным и всепоглощающим досугом Николая Васильевича было художественное рукоделие. В семье до сих пор берегаются многочисленные ларцы, шкапулки, чеканки, полочки, картины, сделанные его руками. Прекрасно сохранились фотопластинки с дореволюционными фотографиями — ещё одно увлечение нашего прадеда.

На некоторое время показалось, что жизнь приобретала черты стабильности и самое страшное уже позади. Как далеко это было от действительности! Вновь обращаюсь к семейной саге, написанной рукой дочери Николая Васильевича:

«...Настал 1924 год — роковой для нас год. Умер Ленин. К власти пришёл Сталин. Начались немыслимые аресты. Снова обыски, снова тревожные ночи, засады в квартирах. То и дело к домам подъезжали ночью машины. И снова воцарялась тишина. Люди шептались в страхе, говоря что-то и ожидая чего-то. В одну из ночей явились и к нам. Сделав обыск, забрали папу, маму и квартирантку, которая жила в одной из комнат. Я в окно увидела открытую машину, украшенную почему-то берёзками, и развевающийся по ветру мамин шарф. Была весна, белая ночь. 12 июня 1924 г.

...Как это всё было тревожно и страшно. Мама ничего не понимала и при первом дозволенном с ней свидании говорила нам: «Вы же на свободе, пойдите, узнайте, за что нас взяли. Почему мы в тюрьме? Ну, узнайте же, тут ведь такая путаница, мне говорят, что я урождённая графиня Потоцкая, и ищут сына Высоцкого. Где он? Сына никогда не было. Вот как?!?!»».

Дети остались с сестрой Софией Дмитриевны, Марией Дмитриевной Александровой²⁰, которая делала всё

возможное для спасения своей любимой сестры и Николая Васильевича. Совсем недавно удалось обнаружить несколько писем, направленных на имя Е.П.Пешковой²¹. Они наполнены страстной мольбой о помощи, переживаниями о судьбах близких людей, надеждой на их освобождение. Приведу здесь несколько строк из этих трагических посланий:

22 августа 1924 г.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите, что затрудняю Вас, но больше не к кому обратиться.... Я хлопоту по делу инж[енера] мех[аника] Николая Васильевича Высоцкого и его жены Софии Дмитриевны Высоцкой, арестованных 12-го июня 24 года, у них остались дома двое несовершеннолетних детей без средств. Случайно я была у них, и теперь мне пришлось бросить своё хозяйство, больную 75-л[етнюю] мать тоже без средств в разрушенном доме в деревне. Я сама ничего не имею — безработная уже три года.

За что они арестованы я не знаю. На свидании 12-го августа я увидела, что Николай Васильевич ненормальный. Я подала заявление, но передачу ношу всё в ту же камеру. Добиться толку от сумасшедшего я не могла. А у его жены (моей сестры) я тоже ничего не узнала, так как она совершенно не в курсе дела и не понимает того, о чём её допрашивали. Предъявили им 66 статью, и дело направлено в Москву. Сегодня я узнала, что Ник. В. Высоцкого ссылают в Соловки на три года, а его жену — на Урал на два года. Я спросила Сергея Порфировича Швецова — что мне делать? Он мне посоветовал хлопотать в Москве. Да, у Высоцких никого и в Ленинграде знакомых нет. Жили они замкнуто за недостатком средств.

Что делать, Екатерина Павловна? Если Вы не захотите помочь — никто уже не поможет — некому! Я не верю, что Вы не откликнетесь. Я не прошу — я молю всем своим существом... Я сама никому никогда не отказывала и, рискуя жизнью, здоровьем, помогала бедным, не получая за это ничего. Я не сказала бы этого, если бы не такое ужасное горе безвыходное... Ведь, дети! И родители, наверное, не виноваты! В особенности сестра слабая вся в хлопотах о хозяйстве... Вы не плохим людям поможете... Сейчас только спешно в Москве можно изменить решение. Хоть пусть мать оставят у детей! Она не перенесёт ссылки, разлуки с детьми, она очень непрочного здоровья. Что же я то буду делать с детками? Учить, кормить их надо, а у меня ничего нет. Я сама чувствую, что потеряла все силы...

3 ноября 1924 г.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Сообщаю Вам, что София Дмитриевна Высоцкая расстреляна с 22—25 октября с.г. Заключение была в 29 камере 8 отд., ходила в прачечную работать и носить дрова. Пользовалась относительной свободой. Дети и я имели свидание с ней и отцом и ничего о перемене не знали до 21-го октября.

Это так неожиданно и невероятно, так как Высоцкие себя не чувствовали виноватыми, хотя обвинялись по 66 ст. У детей отнята мать, что будет с отцом? Мы узнать ничего не можем. Прошу Вас обратите внимание на это дело. Кому понадобилась кровь ни в чём не виноватых людей. Почему скрыли это дело и сказали мне когда уже расстреляли? Что я буду делать с детьми, не имея возможности прокормить их? Неужели всё это делается только потому, что некому заступиться за детей? Если можно что-нибудь

сделать для их отца и ещё не поздно — прошу Вас, помогите!

Дело Николая Васильевича Высоцкого за № 1137.

М.Д. Александрова²².

После краха советской власти в 1990-х гг. нам удалось добиться разрешения на ознакомление с делом ОГПУ по обвинению Высоцких в антисоветской деятельности²³. Безусловно, боевой офицер Российского императорского флота не питал тёплых чувств к Советской власти. Это чувствуется и по служебным характеристикам Высоцкого, и по рассказам его дочери. Но абсолютным откровением для нас стал тот факт, что главным действующим лицом этой трагедии стала именно наша прабабушка, София Дмитриевна Высоцкая. Именно её обезумевшая карательная машина «назначила» главным организатором антисоветской группы. Вот в этот бред поверить уже совершенно невозможно — София Дмитриевна была абсолютно домашним, аполитичным и скромным человеком. Все её мысли были устремлены к созданию домашнего очага, воспитанию девочек, защите семьи от бушующих революционных ураганов. Если же хотя бы на секунду усомниться в этом и отчасти поверить в правдивость фантастических обвинений в сотрудничестве с белогвардейским подпольем, то нас преисполняют чувства гордости и восхищения.

По результатам следствия Отдел контрразведывательных операций (КРО) ОГПУ определил для доклада Особому совещанию при Коллегии ОГПУ на предмет административной высылки:

«1. Гр-на Копчинского Б.И., Высоцкого Н.В. — Соловецкий и/л сроком на 3 (три) года каждого.

2. Высоцкой С.Д. и Казанцевой

З.Е. — на Урал сроком на 2 (два) года каждую».

Марии Александровне этот приговор показался не в меру строгим, и она ходатайствовала о смягчении наказания или, по крайней мере, о ссылке Высоцких в один регион. Если бы она знала, каким желанным и гуманным будет выглядеть этот вердикт всего через три месяца!!! Мы никогда не узнаем, что послужило причиной кровавого решения Особого совещания — возможно, набирала обороты жестокая «плановая» система борьбы с классовым врагом, возможно, сверху последовали указания «ужесточить, усилить, углубить», а может быть, просто плохо спал предшествующей ночью председатель революционного трибунала — скорее всего, в несчастный для нашей семьи день сошлись в одну точку многие причины... 13 октября 1924 г. красным карандашом поперёк «гуманного» предложения об административной высылке Коллегией ОГПУ было начертано: «Высоцкую Софию Дмитриевну, Высоцкого Николая Васильевича, Копчинского Бориса Ивановича — *расстрелять*».

28 октября 1924 г. приговор был приведён в исполнение.

Заключительный акт трагического противостояния офицерского долга и революционной стихии завершился кровавым финалом. На этом изломе прерывается мужская линия Высоцких. Все старания семьи узнать место упокоения мучеников остались безрезультатными. В 1924 г. на вопросы М.Д.Александровой следователь ответил: «Если Вы будете продолжать сюда ходить и что-то узнавать, то последуете за своей сестрой». В 1989 г. на наш запрос в Военную прокуратуру ЛВО о судьбе невинно убиенных пришёл стандартный ответ о реабилитации Н.В.Высоцкого и С.Д.Высоцкой...

Примечания

¹ Послужной список портупей-юнкера 140-го пехотного Зарайского полка Высоцкого В.Ф., 1877 г.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 14724. Л. 4–5.

² РГАВМФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 401.

³ Там же. Ф. 406. Оп. 9. Д. 740. Послужной список Н.В.Высоцкого.

⁴ Вахтенный журнал эскадренного броненосца «Ростислав», ноябрь 1905 г.: Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 33040, 33041.

⁵ *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб, Наука, 2005. Ч. 1.

⁶ *Черкашин Н.* Полёт над морем «майского жука» // *Черкашин Н.* Балтийский эскадр. М., 2009.

⁷ Вахтенный журнал крейсера I ранга «Память Азова», 1906 г.: РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 33900, 33901.

⁸ Бакштов – конец троса, выпускаемый с кормы стоящего на якоре судна для крепления находящихся на воде судовых катеров и шлюпок.

⁹ Штуртрос – цепь или трос, идущие от штурвала к румпелю руля судна.

¹⁰ Разик – в 1906 г. станция Балтийской железной дороги, направление Ревель–С.-Петербург.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 4009. Л. 93–95.

¹² Там же. Д. 4028. Л. 2–6.

¹³ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 81. Л. 166.

¹⁴ Высоцкая София Дмитриевна (1883–1924), урожд. Александрова, выпускница Елизаветинского института, жена Н.В.Высоцкого. В этом браке родились две дочери: Ирина (10.07.1909) и Нина (22.03.1911).

¹⁵ Предположительно, мина была поставлена немецкой подводной лодкой. Подробнее о подрыве см.: *Пузыревский К.П.* Повреждения кораблей от подводных взрывов и борьба за живучесть. По историческим материалам мировой войны 1914–1918 годов. СПб., 2000. С. 125–129.

¹⁶ В наградном листе, представляя Н.В.Высоцкого к награждению мечами к ордену св. Станислава 2 ст., командир «Летуна» флигель-адъютант Б.А.Вилькицкий писал: «После взрыва мины 25 октября руководил работами по трюмной и механической части и принимал деятельное участие в определении повреждений по-

врежденной турбинной переборки и прекращению течи в турбинный отсек. Восстановил плавучесть и спас миноносец от гибели» (РГАВМФ. Ф. 481. Оп. 2. Д. 15. Л. 252).

В общей сложности за годы своей службы Николай Васильевич был награжден орденами Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст., а так же светло-бронзовой медалью в память 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., светло-бронзовой медалью в память 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых и светло-бронзовой медалью в память 200-летнего юбилея Гангутской битвы.

¹⁷ *Годзевич Н.Н.* О себе, сестре и предках наших. Воспоминания. [Л., 1979]: Семейный архив семьи Высоцких-Годзевичей-Валиевых.

¹⁸ Личное дело Высоцкого Николая Васильевича: РГАВМФ. Ф. р-2192. Оп. 2. Д. 3655.

¹⁹ Список личного состава Рабоче-Крестьянского Красного Флота. По состоянию на 1 февраля 1924 г. Л., 1924. С. 67.

²⁰ Александрова Мария Дмитриевна (1886–1964) – младшая сестра С.Д.Высоцкой. После гибели Н.В. и С.Д. Высоцких спасла и вырастила осиротевших племянниц, Ирину и Нину Высоцких.

²¹ Екатерина Павловна Пешкова (1876–1965), жена М.Горького, в 1920–1930-х гг. состояла председателем «Политического Красного Креста». С разрешения властей эта организация занималась судьбой политических заключенных. К сожалению, увы, реально удалось облегчить участь лишь небольшому числу из многих тысяч арестованных. Подробнее о деятельности этой организации см.: Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937 / Сост. Л.Должанская и И.Осипова. СПб., 2004.

²² Письма М.А.Александровой к Е.П.Пешковой: ГАРФ. Ф. р-8409. Оп. 1. Д. 39. Л. 9, 11, 74–79об.

²³ Архив управления ФСБ по СПб. и ЛО. Архивно-следственное дело № П-74181.